

Ночь была глубокой. В палате царила тишина, а внизу, в больничном саду, было так тихо, что можно было слышать стрекот цикад, сменяющих друг друга.

Внутри горел лишь один настенный светильник с мягким желтым светом. Он окутывал бледное лицо молодого человека, лежащего на кровати, нежным сиянием, отчего черты его казались еще мягче, а длинные густые ресницы отбрасывали тень на веки.

Пэй Чуань сидел у края кровати. Его профиль был холодным и четким. Он молчал, слегка поджав губы, и его спокойный взгляд был прикован к спящему.

Спустя несколько минут он наклонился и подушечками пальцев, огрубевших от мозолей, осторожно погладил слегка нахмуренные брови юноши.

Немного погодя мужчина убрал руку, поднялся и вышел.

— Оставайтесь здесь и присматривайте за ним. Если что-то случится, немедленно сообщите мне.

— Слушаюсь, господин Пэй.

Как только высокая статная фигура мужчины скрылась в лифте, двое телохранителей, стоявших у дверей палаты, одновременно перевели дух.

— Чуть не задохнулся. Как думаешь, что связывает господина Пэя и того парня внутри?

— Господин Пэй так о нем заботится, в любом случае этот человек для него важен. Мы должны приглядывать за ним как следует, нельзя допустить ни единой ошибки.

— Верно сказано.

Однако в три часа ночи у Линь Суйцы поднялась высокая температура. К счастью, телохранители не расслаблялись и время от времени заглядывали внутрь.

Когда они обнаружили неладное, щеки юноши уже горели алым, лоб был обжигающе горячим, а все тело покрылось холодным потом — он выглядел так, словно его только что вытащили из воды.

Врачи, разумеется, тоже не смели проявлять халатность по отношению к человеку, которого привез лично господин Пэй, и суетились вокруг него, ведь эта больница принадлежала семье Пэй.

Лишь к рассвету температура Линь Суйцы начала медленно спадать. Хотя легкий жар еще оставался, в целом угрозы жизни уже не было.

Глубокой ночью телохранители, конечно, не посмели тревожить покой господина Пэя и сообщили ему об этом лишь на следующее утро.

Пэй Чуань был занят делами и не мог вырваться в больницу. Узнав, что жар у Линь Суйцы спал, он не стал сильно волноваться, лишь коротко дал указания охране и, повесив трубку, продолжил совещание.

В полдень он снова получил звонок от телохранителей — Линь Суйцы пришел в себя.

—

Линь Суйцы находился в полубредовом состоянии, его мучили кошмары.

Ему снилось, как в детстве он жил с матерью, Линь Юэ, в дешевой съемной квартире.

Линь Юэ никогда его не любила. Иногда она смотрела на него так, словно он был ее заклятым врагом, а порой, напившись, начинала бить и бранить. Во сне он слышал собственный раздирающий душу плач.

Позже она отдала его в семью Цзян. Вилла семьи Цзян была огромной и красивой, похожей на сказочный замок принца, — полная противоположность той съемной конуре в двадцать-тридцать квадратных метров, где он жил раньше.

Жаль только, что принцем был не он, а Цзян Лэ.

Ему снилось, как он, восьмилетний ребенок, наивно называл Цзян Хунъюя папой.

Мужчина с благородными и тонкими чертами лица, который секунду назад нежно улыбался своему младшему сыну Цзян Лэ, вмиг переменился в лице. Он смотрел на Линь Суйцы так, словно перед ним была какая-то грязная тварь, к которой противно прикоснуться.

— Не называй меня так, я тебе не отец, — сказал мужчина, после чего больше не взглянул на него и повернулся к слуге: — Не позволяй ему показываться на глаза госпоже и моим сыновьям.

— Лэ-лэ, папа ответит тебя поиграть в другое место.

Цзян Лэ, наряженный словно маленький принц, шел, держась за руку Цзян Хунъюя.

Обернувшись, он скорчил рожицу и беззвучно произнес:

— Маленький ублюдок.

Линь Суйцы стоял за дверью и через щелку видел, как Линь Юэ держит в руках фотографию Чжоу Вэньцзянь.

Она взяла ножницы и с силой начала кромсать снимок на мелкие кусочки, а на ее изможденном, утратившем былую молодость лице играла болезненная, свирепая улыбка.

— Чжоу Вэньцзянь, ну и что, что Цзян Хунъюй любит тебя? Кто бы мог подумать, что твой младший сын, которого ты лелеяла больше десяти лет, вовсе не твой родной ребенок.

— Твой родной сын рядом с тобой, а ты и не знаешь. Кто бы мог подумать, что этот ублюдок, которого в семье Цзян все презирают и ненавидят, на самом деле и есть настоящий младший господин семьи Цзян.

— Что ты будешь делать, когда узнаешь правду? Ха-ха-ха...

Линь Суйцы видел, как он сам, стоявший тогда за дверью, задрожал всем телом, словно пораженный молнией. Он изо всех сил зажал себе рот, чтобы не издать ни звука.

— Линь Суйцы, играй снаружи как хочешь, но ты не должен был, ни в коем случае не должен был трогать Лэ-лэ.

— Хорошо, что с ним все в порядке, иначе мы бы не оставили тебя в покое.

— Больше можешь не возвращаться в дом семьи Цзян.

Нет, все не так! Это неправда!

Линь Суйцы отчаянно пытался оправдаться, но горло словно забило ватой, и он не мог издать ни звука.

В тихой палате юноша, лежащий на кровати, крепко зажмурился. Его длинные ресницы, точно крылья бабочки, сбившейся с пути в разгар бури, непрерывно дрожали.

Мгновение спустя он резко открыл глаза. В его влажных, покрасневших зрачках все еще застыли испуг, замешательство и отчаяние.